

Да здравствует Великий Лев Эллер! Да здравствует Великое равенство! Да здравствует Великая свобода! Да здравствует Великая вечность! Да сдохни ты, пад...

Последние буквы уже растворились в ацетроне. Железная ладонь машины безучастно и по-своему торжественно водила смоченной губкой по стеклянной стене подземного перехода. За последние годы их построили сотни. Город опутали еще сотни новых дорог. Четвертое, пятое, шестое кольцо. Первая, вторая, третья диагональ. Город превратился в один сплошной тоннель с венами поездов и капиллярами пешеходных переходов. По которым перемещались бесконечные потоки людей, зараженных неизлечимым недугом. Бессмертием.

Он вышел на улицу. Свет больно ударил в глаза. Пронзило, защипало. Моргнул. Линзы на сетчатке потемнели. Свет перестал жалить. Так-то лучше. Десяток шагов, и новый переход. Над головой шумит и свистит. Как и в голове. Улыбка красных губ, движущихся навстречу. Касание чьего-то плеча. Он в потоке таких же, как и он. Пустых. Равнодушных. Давно перечувствовавших все, что только можно. Надкусивших и съевших до конца плод от Древа познания добра и зла.

Слышавших свой первый крик и последний вздох. Ох...

Вначале умер Бог. Спасибо, Фридрих Ницше. А через двести лет после него умерла и смерть. Спаси-

бо, Лев Эллер. Осталось лишь пустое течение жизни. Выскобленная функциональность, лишенная всякого смысла.

Веснушки на носу. Тонкий, еле различимый шрам на щеке. Он видит ее уже в четвертый раз. В одно и то же время, в одном и том же месте. Реальна ли она? А реален ли он? И если они сейчас столкнутся, произойдет ли хоть что-то? Или он пройдет насквозь?

Равняется с ней, напрягает ноздри. Ничего. Ни сладости, ни горечи. Обоняние молчит. Стерильно. Или чиста? Безразлично. У каждой болезни есть свои симптомы. Безразличие – один из них.

Проходит мимо нее, выныривает на свет и вновь ныряет в очередной переход. И вновь алые губы, и касание чьего-то плеча. Все повторяется. Повторение – тоже один из симптомов.

Он живет в мире одинаковых вещей. Когда это произошло? Он уже и не помнит. Не хочет помнить. Кажется, это было слишком давно. Кажется, это было только вчера. Все так мечтали об этом, и вот это произошло. Все думали, что бессмертие – это лекарство, а оно обернулось штаммом. Они все неизлечимо больны. Они все неизлечимо больны. Повторение. Да, повторение – главный из симптомов.

Он носит черную водолазку и черные перчатки, купленные в магазине за углом. Его сосед носит то же самое. Тот же материал, та же работа. Только на

Рисунок Алисы Бошно

ярлыке написано другое слово. И за него он платит в десять раз больше. Лишь за него. Вначале было слово...

«Сегодня мы победили рак». На архивной записи в камеру смотрят два больших, как лунные кратеры, глаза. Светлые до дрожи, почти прозрачные. Тонкий нос, как у Спаса на иконе Андрея Рублева. Генетик-онколог Лев Эллер изобрел лекарство от рака. Один укол, и страшный недуг обойдет стороной. Бесплатный иммунитет на всю жизнь. Рубец под мышкой на память.

Когда стало ясно, что вакцина спасает не только от рака, но и от смерти, всех охватила эйфория. Биологическое бессмертие было достигнуто так просто, так походя, что перспективы опьяняли. Человечество победило болезни. Человечество победило старость. Человечество победило смерть. Больше не нужно немощи, боли и унижений. Больше не нужно куда спешить. Больше не нужно любить не тех, боясь вообще остаться без любви. Больше не нужно хвататься за каждую проведенную вместе минуту – впереди годы и столетия. Больше не нужно неврозов от невозможности объять необъятное... Больше не нужно ничего. И все возможно.

Мне невозможно нравится тебя узнавать. Как ты сердиться. Как ты грустить. Как ты любить. Как ты сгораешь от нетерпения. Как ты говоришь только со мной. И как ты говоришь с другими. Мне нравит-

ся. Мне нравилось... И в болезни, и в здравии... Пока смерть не разлучит нас. Пока смерть. Не разлучит. Нас. Сволочь. Ты – поганая сволочь, мой лучший друг и самый страшный враг, спаситель и предатель.

Он останавливается на перекрестке. Сколько стекла в этом городе. Двадцать, тридцать, сорок этажей вверх. И столько же вниз. Отражают спокойствие неба и мельтешение земли. Все спешат, хотя уже давно можно не спешить. Они все опоздали. Они все не опоздают никогда.

Они знали друг друга с детства. Их всегда было трое. Три мужкетера. Три товарища. Трое в лодке, не считая ее собаки. Большой подгалянской овчарки, которая умерла в шестнадцать и могилу для которой он выкапывал в стылой земле. Он так отчаянно взрезал корни штыком лопаты, что в мозоли истер ладони. И только тогда, отмывая их хозяйственным мылом, заметил, что они ведь совсем не мужские. Чувственные роденовские руки, не знавшие и не узнающие тяжелого труда... Она выбрала его потому, что он хотел разгадать ее. А Лев хотел разгадать лишь смерть. Он изучал ее, а Лев – ее болезнь. Которую сам же в ней и зародил. Механизм, который он научился запускать и хотел научиться останавливать. Ты веришь мне? Да, я тебе верю. Ты доверишься мне? Да, доверюсь. Идиотка. Неужели ты не видела, что... Ошибка. Это была ошибка. Это была ошибка? Смятение – еще один неприятный симптом. Невозмож-

Рисунок Алисы Бошно

но с уверенностью сказать, что было на самом деле, а что приснилось за тысячи бесконечных ночей.

Загорается светофор. Зеленый. Сколько лет прошло с момента изобретения электрического светофора, а все еще зеленый. Приятно, что хоть что-то в этом мире остается неизменным... Поток несет его вперед. Мимо одинаковых магазинов с одинаковыми товарами. Мимо одинаковых продавцов с одинаковыми улыбками. Мимо одинаково припаркованных одинаковых энергокаров. В этом новом мире все одинаково. Различается лишь цена, которую ты готов заплатить. Но он уже заплатил сполна. Чаевых не будет.

Поворот направо. До здания, в котором он работает, остается меньше полукилометра. В этом месте он всегда думает о том, что было бы, если бы люди наверху приняли решение колоть вакцину только избранным? Как изменился бы их мир? Изменился бы? Чтобы узнать это, надо научиться обращать время вспять. Остановись, мгновенье, и вернись на checkpoint. В этом месте он всегда думает о ней. Что было бы, если бы она отказалась? Как изменился бы он? Изменился бы? Чтобы узнать это...

Ты веришь мне? Она смотрит ему в глаза, и он без слов понимает, что она ему верит. Доверяет всецело. Вседозволяюще. Всепрощающе. Но это уже не он. Не тот он, который всегда мечтал разгадать ее. Не тот он, который раскапывал могилу для ее собаки

и плакал от жалости и боли. А он, который мечтал разгадать смерть. У него такой же голос. Такие же бесцветные лунные глаза. И такие же тонкие черты лица. Он так же давно знает ее. Ведь они всегда были вместе. Три мужикетера. Она и они. Она и два его я. Ты выбрала меня, Алиса, но он оказался сильнее. То, что он задумал, увенчалось успехом. Он взломал самый сложный код, совершив лишь одну ошибку... Ты бы гордилась им, правда? Ты бы гордилась мной?

Двери бесшумно отворяются перед его носом. Тонкая лазерная паутинка пробегает по глазам. «Доброе утро, господин Эллер! На ваше имя оставлено семнадцать сообщений. Приходили из комиссии, но вы вновь разминулись...» Веснушки на носу. Едва различимый шрам на щеке. Он неосознанно втягивает ноздрями воздух, пытаюсь вспомнить о ней хоть что-то еще. Безуспешно.

